

ТОЛЕРАНТНОСТЬ: ЭТИМОЛОГИЯ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

В последнее десятилетие в Москве появились образовательные учреждения, именующие себя татарскими, корейскими, литовскими, грузинскими и так далее. Начался процесс, смысл и содержание которого можно определить как этнизация образования. Возникают вопросы: чем стимулируется этот процесс? И почему именно в эту сторону двинулась мысль педагогов?

Автор раскрывает причины усиления этно-культурной составляющей в образовании.

Иным представляется и понимание толерантности в современных социальных условиях и отечественной школе.

Владимир Новичков,
ректор Московского
института экономики,
политики и права,
кандидат
педагогических наук,
заслуженный
учитель РФ

Что стоит за стремлением обратиться к собственным культурно-историческим корням? Неужели учительство пришло к выводу о том, что история не только пепел, но и пламя? Говорю об учительстве, потому что сама идея обращения к исконности родилась в этой среде. И только потом учёные спохватились и стали пытаться обосновывать складывающуюся образовательную практику.

Процесс стихийной этнизации образования исключительно интересен и многомерен. Породила его волна демократизации жизни общества, которая к концу 80-х — началу 90-х годов достигла в образовании на основе этнологического подхода некой теоретической и организационной определённости. Было осмыслено и сформулировано несколько исходных позиций, которые затем стали реализовываться в педагогической практике. Что же это были за позиции?

Во-первых, национальная школа, существовавшая более семидесяти лет в советской России, это не школа для обделённых цивилизационным влиянием недорусских, а культурно-образовательная колыбель каждого народа. Во-вторых, национальная школа для народов, имеющих достаточный уровень развития родного языка, не может ограничиваться начальными классами, а должна развивать свой образовательный потенциал, открывая дорогу к любым высотам науки и культуры. В-третьих, когда в школе «формировался строитель коммунизма», «человек новой исторической общности», были понятны идеологические ориентиры образовательной деятельности, сформулированные в «Моральном кодексе строителя коммунизма». Попытка переориентировать школу на общечеловеческие ценности, трактуемые каждым по-своему, возымела эффект активизации поиска каждым народом собственных ценностей, осмысления их в поликультурном контексте российского бытия и более широких пространственных рамках. В-пятых, за годы «перестройки» и гласности за счёт расширившихся зарубежных контактов россиян большую ценность стали приобретать, с одной стороны, демократичность отношений между людьми, а с другой — стремление к приватным формам собственного бытия. Конечно, происходящие изменения в общественном сознании не могли так или иначе не отразиться на образовании. В-шестых, социальный шок от развала СССР был столь сильным, что никакой другой реакции школы на это событие нельзя было ожидать. Она начала активно этнизироваться, пытаясь создать в хаотическом движении жизни островки стабильности, вырастающие из родного, принимаемого на уровне подсознания.

Сегодня школы Якутии-Саха, Татарстана, Башкортостана, Карелии, Калмыкии, Чувашии, в которых соответствующим образом сформировано содержание образования, в терминах международного сообщества (ЮНЕСКО, ЕС) именуется этническими. Иное дело московские школы с этнокультурным компонентом содержания образования. Их мотивация обращения к этничности имеет совершенно другую структуру. Иной подход реализуется и в отборе содержания образования. Анализ учебных планов, программ и используемых пособий показывает, что содержание образования любого учебного заведения этой специализации включает в себя три взаимосвязанных блока:

- 1) блок, обеспечивающий личности возможность самоидентифицироваться как представителю той или иной национальной культурной традиции;
- 2) блок, создающий условия для вступления личности в равноправный диалог с имеющимся инокультурным окружением;
- 3) блок, обеспечивающий включённость личности в современные мировые общечивилизационные процессы.

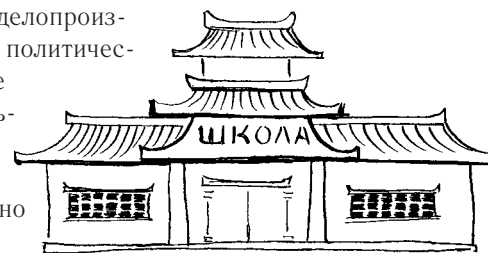
Нельзя не обратить внимания на то обстоятельство, что у столичных школ с этнокультурным компонентом гораздо шире культурно-ценностная рамка содержания образования, чем в аналогичных школах других территорий России. В нём больше открытости внешнему миру, диалогичности, менее выражено стремление к национальному обособлению. Очевидно, в этом сказываются, наряду с другими факторами, ещё и особенности столичного уклада жизни, специфически проявляющиеся ценностные ориентации. Ведь Москва испокон века была многонациональным городом. Это одна из её самых существенных социокультурных характеристик. Сегодня столицу населяют свыше ста пятидесяти этносов. Вал мигрантов и вынужденных переселенцев в Москву заметно нарастает, особенно в последние пять лет. Миграционные процессы порождают всё новые и новые социальные,

правовые, политические, экономические, конфессиональные, образовательные и другие проблемы. Успешное их решение возможно только при условии понимания «столичности» как поликультурной многонациональной среды, в которой целенаправленно и последовательно осуществляется гармонизация межэтнических отношений.

Однако поликультурность среды — это не только её многонациональность, но и сопряжённость культурных образцов деятельности в различных сферах жизни социума. Мы часто пользуемся такими понятиями, как «культура производства», «правовая культура общества и власти», «культура мыслительной деятельности», «культура организации труда» и т. д. Правомерно говорить о культуре библиотечного или музейного дела, культуре (цивилизованности) рыночных отношений, культуре делопроизводства или принятия политических решений. И мы не только говорим о культурных образцах того или другого вида деятельности, но и реально живём на том пространстве, на котором эти образцы в наиболее полной совокупности предъявляются. Это, пожалуй, следующая за многонациональностью существенная характеристика поликультурной среды Москвы.

Наша столица — многоконфессиональный город. В ней представлены все мировые религии: христианство, ислам, иудаизм, буддизм. Исповедуемая тем или другим народом религия — самое мощное основание его национальной культуры. Поэтому толерантные отношения между представителями различных конфессий должны осознаваться как их общее культурное достояние, одна из незаменимых ценностей общественной жизни мегаполиса.

Пространство человеческого бытия — это пространство культуры и образования. Давно сформулирована

и стала общепринятой идея о том, что образование есть всеобщая форма сугубо человеческого способа жизни. Поэтому очень значимы те гуманистические ориентации, которые сегодня утверждаются в системе образования Москвы.

Ведь человеческое существование не сводимо к биологическому акту жизни. Оно наполнено поиском смыслов, разнообразной деятельностью, выработкой норм, ценностных ориентаций. Следовательно, ценностные ориентации людей выступают тем регулятором жизни, на который опираются этика, право, социальные структуры, государственное устройство, образование, стратегии индивидуального существования. В отличие от животного мира, человеческий мир, как предметный, так и духовный, — это *пространство проявленных ценностных ориентаций*. Не ставя перед собой задачу комплексного исследования многих ценностных ориентаций, выделим лишь одну — толерантность, которую мы рассматриваем как родовой признак поликультурного пространства развития системы образования столицы.

В отечественных словарях иностранных слов «толерантность» переводится с латинского как «терпимость, снисходительность к кому- или чему-либо». Однако в современном русском языке слова «терпимость» и «снисходительность» имеют оттенок вынужденности, неравноправности отношений. Терпимость и снисходительность — отглагольные существительные. И если проследить значение самих исходных глагольных форм «терпеть» и «снисходить», то в них и выявляется эта неравноправность отношений между субъектами взаимодействия. Думается, что такое толкование понятия «толерантность» слишком узко и не отражает всего богатства его смыслового содержания. Иностранное слово не виновато в его сегодняшнем жёстком отечественном переводе.

Наши предки были мудрее, и сами глаголы «терпеть» и «снисходить» несли в их понимании более широкое общечеловеческое содержание. Так, у В. Даля глагол «терпеть» имеет, наряду со значением «сносить, страдать, крепиться», ещё значение — «не изнемогая, не унывая ожидать; надеяться, снисходить, допускать, послаблять, потакать, поноравливать; давать повадку».

Ещё выразительнее и адекватнее сегодняшнему понятию «толерантность» у В. Даля значение глагола «снисходить»: «уступать, оказывать милость, милосердие, благосклонность; преклоняться на просьбу, желание; уважить причины, ходатайства; снисходить к нуждам ближнего, принимая их к сердцу; снисходить к слабостям людским, прощать их».

Исходя из далевских интерпретаций глаголов «терпеть» и «снисходить», толерантность в её современном содержательном наполнении можно истолковывать как уживчивость, неконфликтность, принятие другого таковым, каков он есть. В этом смысле толерантность и рассматривается нами как социально-образовательная ценность.

Но ценностные ориентации людей не возникают одновременно. Прежде чем стать таковыми, они проходят долгий путь жизни в культуре и сознании людей до каких-то поворотных событий, которые позволяют социуму известное понятие осмыслить как ценность.

Несмотря на иноязычное происхождение слова «толерантность», само понятие имеет в отечественной философской и художественной традиции довольно глубокие корни. Эти корни уходят в толщу устного народного творчества, прослеживаются в первых литературных памятниках. Идеалами уживчивости, неконфликтности, принятия другого таковым, каков он есть, пронизано творчество всех великих поэтов и писателей России. Множество примеров тому мы находим на страницах произведений нашего национального гения Льва Толстого. Герой его ранней повести «Казачи» — старый, мудрый Прошка проповедует идею братства народов, резко осуждает жестокость войны, которая велась тогда на Кавказе. Уважением к гордому, свободолюбивому «врагу» Хаджи-Мурату проникнуты строки одноименной повести, написанной Толстым уже в конце жизни. Ещё один толстовский (хрестоматийный) герой — Платон Каратаев, олицетворяющий «всё русское, доброе, круглое», учит незлобности, всепрощению, любовному отношению к каждому человеку. В эпопее «Война и мир» Толстой находит единое для всех очень важное слово «люди». «Тоже люди!» — говорит старый солдат о пленных врагах, измученных голодом и стужей, которых пожалели и накормили русские солдаты. «Вот люди!» — с благодарностью говорит о русских француз Морель.

В творчестве Толстого и других наших художников чётко отражена мысль о том, что человек человеку не враг, что мы, люди, не можем жить без *Другого*, без зеркала, в котором отражаемся и которое для нас точка отсчёта, единица измерения, дающая представление о соразмерности меня и любого другого.

Видный отечественный философ и литературовед М. М. Бахтин определял эту зеркальную отражённость, эту потребность в ощущении соразмерности «себя с другим» понятием «значимый другой». Но два рядом расположенных слова — это всегда возможный вопрос и всегда многовариантный ответ. Насколько другой — это действительно *Другой*? Насколько этот другой для тебя значим? и т. д. Ответ, безусловно, многовариантен: я — не другой или, как у Фихте, вместе с осознанием «Я есмь», предполагается, предощущается и его противоположность — «Не-я». Или по А. Ламартину: «Одной души нет рядом — и весь мир опустел». М. М. Бахтин настаивает на том, что для человека потребность в другом, в диалоге (взаимодействии) с ним есть генетическая потребность. Отсюда толерантность мы можем трактовать как духовное взаимопроникновение индивидов, сопереживание трудностям и радостям жизни *Другого*, эмоциональное соучастие в жизни *Другого*.

Таким образом, толерантность в отечественной философской и художественной традиции — это разделённость и общность, сопряжённые в пространстве и времени, диалогичность бытия.

По М. М. Бахтину, я что-либо делаю, в конечном счёте, словом. Отсюда я как личность рождаюсь не тогда, когда познал нечто, а когда я действую познанным на другого человека. Вся моя самость выявляется лишь в диалоге, во взаимодействии с *Другим* и через *Другого*. Поэтому возможность моего не животного, а человеческого существования определяется наличием *Другого*, мне подобного. По Бахтину, слова, взгляды, жесты, поступки — все внешние средства самовыражения трактуются как непрерывный диалог — ожидание — побуждение к ответной проявленности *Другого*. Вот откуда берёт своё начало отечественное представление о толерантности как безусловной ценности, как базисе поликультурного, полиэтнического бытия.

Однако философские идеи диалогичности бытия нашли отражение не только в различных гуманитарных науках, но и в разнообразных образовательных практиках, известных педагогической общественности как инновационные направления в образовании.

Уже более двадцати лет группой философов, историков культуры, психологов, педагогов под руководством В. С. Библера разрабатывается педагогически-психологическая концепция и осуществляется педагогический эксперимент программы «Школа диалога культур».

По мысли авторов концепции, для предполагаемой модели школы диалог имеет всеобщий смысл. «Диалог, имеющий реальный образовательный действенный смысл, — пишет В. С. Библер, — это диалог культур, общающихся между собой — в контексте современной культуры, — в средоточии основных вопросов бытия, основных точек удивления нашего разума».

Возьмём на себя смелость утверждать, что диалогичность, по-другому проявленная в образовательном процессе, свойственна практически всем известным сегодня инновационным образовательным учреждениям. Заметную роль играет диалогичность как педагогический принцип и в образовательной деятельности московских школ с этнокультурным компонентом содержания образования.

Но диалог как смысл и способ бытия, как содержание и метод образования немислим без готовности всех субъектов образовательного процесса вступить в него, без пронизанности толерантным отношением к «не-моему», к «другому».

Безусловно, толерантность не есть всеядность, безоговорочное приятие «всех мерзостей жизни» и носителей

этих мерзостей. **Толерантность — это сознательно принимаемый личностью отказ от поисков врага в окружающих.** Тем более основанием для недоброжелательного отношения к окружающим не может быть их иноязычность, инокультурность, иноконфессиональность. Толерантность как вектор индивидуального и общественного сознания в условиях полиэтничности и поликультурности — условие гармонизации социальных отношений. В системе образования, имеющей дело в том числе и с мировоззренческими установками общества, толерантность выступает как социально-образовательный императив.

В системе образования Москвы за последние несколько лет активно решались проблемы национально-культурной идентификации представителей различных этносов, населяющих столицу. Успешно и динамично развивается сеть национальных образовательных учреждений. Только в Северном учебном округе таких учреждений уже семь, а всего в Москве — более тридцати. На этнообразовательной карте столицы появились школы, в которых представлены армянская, татарская, литовская, корейская, еврейская, турецкая, цыганская, грузинская, украинская и другие культуры. Всё чаще возникают педагогические инициативы, направленные на углублённое осмысление русской национальной культуры в контексте поликультурного образования в Москве. Это всё — безусловно, позитивные тенденции в развитии столичного образования. Однако очень важно понять, с каким педагогическим феноменом мы всё-таки имеем дело.

Итак, в Москве реально существует поликультурное пространство жизни социума. При этом в процессе демократизации общественной жизни актуализировалась проблема национально-культурной самоидентификации личности. В условиях отказа общества от привычных идеологических регуляторов произошло вполне естественное пересамопределение социума в направлении актуализации стремления к своим собственным культурно-историческим корням, традиционным ценностям. Такая векторная устремлённость людей вызвала к жизни процесс этнизации образования. Начали появляться школы с этнокультурным компонентом содержания образования, в которых на вопрос «чему учить?», кроме традиционных ответов, отражающих восприятие мира закрытым обществом, стали формулироваться альтернативные ответы: родной язык, история национальной культуры, народные верования, мифы, предания, народные художественные промыслы и т.д. Но ведь процесс этнизации образования реально отражает устремлённость к национально-культурной локализации, к обособлению своего, почвенного. Как же этот процесс соотносится с развитием поликультурного пространства в столице? Не является ли он ортогонально направленным по отношению к доминирующему процессу консолидации территориального сообщества? Безусловно, это так. Но по-другому и быть не может, так как процесс этнизации образования — неизбежный этап на пути к на-

ционально-культурной интеграции, происходящей в цивилизованных демократических рамках и осуществляемой не революционными (ненасильственными) способами. Ведь индивид, толерантно воспринимая другого, обязательно проходит стадию самоидентификации. Перешагивать эту стадию означает сохранять курс на создание «новой человеческой общности», не имеющей национально-культурной укоренённости, лишённой ощущения Родины, человечески тёплого отношения к своим корням. Для человека, лишённого такого отношения, невозможно помыслить свой город как семью. Будучи акультурной особью, он не в состоянии оценить богатства культурного разнообразия; ему не с чем вступить в диалог с другой культурой.

Этническое многоцветье городской культурно-образовательной среды мы можем рассматривать как наше общее достояние, как постоянно расширяющуюся возможность диалога между людьми, обогащающего в них человеческую сущность. Примечательно, что процесс этнизации образования идёт всё дальше вширь и вглубь. В школах с этнокультурным компонентом содержания образования разрабатываются оригинальные учебные планы, авторские программы курсов, учебные пособия. Это особенно наглядно представлено в Северном учебном округе, где под опекой окружного управления образованием складывается очень продуманная система научно-методического обеспечения деятельности образовательных учреждений этнокультурной направленности. Следует отметить, что в Северном округе наиболее продвинутыми в этом отношении оказались школы, прорабатывающие проблематику включения русских национальных компонентов культуры в образовательный процесс. Это средние школы № 141, 167, 225. На протяжении нескольких предшествующих лет в этих школах созданы научные концепции их развития, учебные планы с продуманно проработанным содержанием базового и школьного компонентов, программы

практически всех учебных курсов. Наиболее интересные из этих программ опубликованы управлением образования Северного учебного округа.

Аналогичные учреждения есть в Южном, Юго-Западном, Юго-Восточном и других округах Москвы. Зачастую мы можем наблюдать как обращение к элементам традиционной культуры методически обогащает воспитывающую деятельность не только в школе, но и в дошкольных образовательных учреждениях. Так, в ДОУ № 2365 Южного округа уже около десяти лет успешно реализуется образовательная программа «Культура мира, как культура лада», позволяющая приобщить детей к русскому песенному, танцевальному, изобразительному творчеству, обрядности народных праздников, традициям добрососедства, гостеприимства, доброжелательности. На тщательно отобранном материале удаётся успешно развивать речевую и двигательную активность детей, наблюдательность и творческое воображение, стремление к взаимодействию и взаимопомощи.

Но останавливаемся мы на изложении опыта этих школ и дошкольных учреждений не потому, что они сосредоточились именно на русской культуре. Социальная значимость и педагогическая ценность их опыта заключаются в том, что они вплотную подошли к завершению своего культурно-образовательного самоопределения в содержании образования (этнизации школы). И теперь начинают проработку проблем, связанных с проектированием поликультурного пространства своей образовательной среды. Если на предшествующем этапе самой важной проблемой этих школ было содержательное выделение собственной самости, то теперь на первый план выдвигаются проблемы соорганизации пространства диалога с другими культурами. Профессор Е.П. Белозерцев подчёркивает: «...непременным основанием современного образования является утверждение в сознании учащихся значения исторических корней своего народа, их

духовных начал, гражданских и патриотических идей, гуманистического сознания связей с другими народами, человечеством».

Следует отметить, что опыт национальных школ ценен не только для образовательных учреждений этой специализации, но и для всех других школ Москвы, так как несёт в себе один из вариантов содержательного наполнения школьного компонента. Конечно, вариантов решения этой проблемы может быть множество. Но один из возможных выявляют для нас школы с этнокультурным компонентом содержания образования.

Однако проблема толерантного взаимодействия между людьми в условиях мегаполиса не может решаться только усилиями образовательных учреждений. Эта проблема также актуальна и для научных структур столицы, и для общественных организаций, и для СМИ, и для политиков. Именно научным и научно-методическим учреждениям Москвы предстоит на более качественном уровне решать проблемы научно-методического и кадрового обеспечения этой проблематики. От них же органы управления образованием ждут создания надёжной системы мониторинга межэтнических отношений в столице и образовательного процесса в школах поликультурной направленности.

Проблема толерантности массового сознания, удержания на некритических отметках бытовой агрессивности, непримиримости, неприятия чужого стиля поведения — это, конечно, проблема социальной политики, проблема смены вех в воспитании и формировании гуманистических ценностных ориентаций. Но реализация политики, особенно долгосрочной, начинается уже в школе, учителем. Поэтому толерантность общества напрямую зависит от того, насколько для учителя эта позиция обретёт свою социально-образовательную ценность и будет присвоена им как абсолютная ценность, наряду с такими, как жизнь, свобода, демократия, гуманизм, ответственность. **НО**

